

Е.Г. Брунова
Тюменский государственный университет
Кафедра иностранных языков
и межкультурной профессиональной
коммуникации ИМЕНИТ
Заведующий кафедрой
Доктор филологических наук
egbrunova@mail.ru

СЛОВО КАК МАГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ

Язык является важнейшим средством человеческого общения. Такой постулат предполагает, что говорящий (адресант) как участник коммуникативного акта всегда обращается к слушающему (адресату) – человеку. В подавляющем большинстве случаев так и происходит, но не всегда. Разве адресатом молитвы или заговора является человек? В ряде случаев адресатом речи является не собеседник (второе лицо), и не сам говорящий (первое лицо), а третье лицо, которое может представлять собой предмет, явление или высшую силу. Такие случаи Р. Якобсон относил к магической функции языка, частному случаю призывно-побудительной функции, регулирующей поведение адресата сообщения [Якобсон, 1975: 200]. Магическая функция проявляется в таких формах, как заговоры, проклятия, клятвы (в том числе божба и присяга), молитвы, магические предсказания (ворожба, волхование, пророчества и т.п.), славословия (например, *Алилуйя!*).

Современные теории номинации исходят из трехчленного отношения (семантического треугольника) «реалия – понятие – слово». Однако для случаев использования слова с магической целью характерна неконвенциональная трактовка языкового знака, при котором слово понимается не как условное обозначение предмета или явления, а его

неотъемлемая часть. Примером такого отношения к слову служит запрет на произнесение ритуального имени, поскольку это может вызвать нежелательное присутствие того, кто им назван, или кощунственное отношение, выраженное неправильным обращением с тем или иным словом, ср. библейскую заповедь «Не приемли имене Господа Бога твоего всуе!» [Исход, 20: 5], а также «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез него начало быть, и без него ничто не начало быть. И в нем была жизнь, и жизнь была свет человеков» [От Иоанна, 1:1-4].

Мифопоэтическое мышление может представлять слово грозным оружием, ср. др.-сев. *staefr* «буква», но исл. *steipir* «меч», англ. *word* «слово», но англ. *sword* «меч», ср. также рус. *вред*. С другой стороны, слово могло служить оберегом, ср. англ. *word* «слово», нем. *Wort* «слово», но хет. *warrai* «защита», *warras* «помощь».

Неконвенциональное восприятие знака объясняется первичным синкретизмом отражения мира в человеческой психике, характерным для архаичного, дологического мышления. На уровне онтогенеза такой синкретизм можно наблюдать у детей дошкольного возраста, когда они отождествляют слово с вещью (слово *конфета* сладкое, а слово *лимон* кислое).

Слово воспринимается архаичным мышлением как часть ритуала, детально прописанной последовательности магических действий. Особое значение придается не только выбору того или иного слова, но и порядку перечисления, количеству повторов и т.д. Ритуал представляется самым древним способом хранения и передачи информации в бесписьменном обществе. Нарушение ритуала, а позднее – искажение аутентичного сакрального текста воспринимается как кощунство. Отсюда боязнь переводов Священного Писания на другие языки, повышенное внимание к орфографии и орфоэпии подобных текстов, а также использование таких «мертвых» языков, как латынь, церковнославянский и т.д.

Ритуальные мотивы основных космологических мифов присутствуют в том или ином виде во всех ритуалах жизненного цикла и хозяйственной деятельности человека. В основе ритуала лежит отождествление какого-либо реального события с тем или иным мифом, событием, произошедшим «во время оно». Так, строительство дома уподобляется сотворению мира, свадьба – священному браку, болезнь – борьбе добрых и злых сил и т.п. Ассоциация с сотворением мира присутствует вплоть до наших дней в таких обычаях как запускание кошки в новый дом, прежде чем туда войдут люди, обычай бросать в дом через раскрытую дверь клубок ниток и входить по старшинству, держась за нитку. Для освоения нового «нежилого» пространства необходимо было перенести туда символическую долю прежнего жилья, например, огня очага или недоваренную кашу. Обряд вселения (или *влязины*, *переходины*, *переборка* по Далю) был призван освоить и освятить дом как малый человеческий мир, мыслимый по образу большого мира (мироздания), созданного творцом [Байбурин, 1993: 173].

Механизмом, определяющим целостность и незыблемость ритуала, является феномен табу. Запрет может быть наложен на то или иное действие или слово. Так, шотландские рыбаки, находящиеся в море, должны называть некоторые предметы другими именами по сравнению с тем, как они называются на суше (нож называют «острый предмет», скалу – «твердая» и т.п.). Кроме того, запрещено произносить слова со значениями «священник», «храм», «лосось», «форель», «собака», «лошадь», «мышь». Разнообразие имен для медведя (*Михаил*, *Топтыгин*, *Потапыч* и т.п.) в русском фольклоре также объясняется табуированием, впрочем, само слово *медведь*, т.е. «мед ведающий», также является результатом табу. Гуцулы на Карпатах называют медведя «дядечка» или «большой», волка – «маленький», а змею – «длинной» [Маковский, 2000: 44].

Феномен табу имеет большое значение не только для слова как элемента ритуала, но и для языка в целом [см. подробнее Брунова, Елесина, 2009]. Анализируя процессы табуирования архаичной лексики, М.М.

Маковский отмечает: «феномен табу впервые создал диалектику человеческого мышления, взаимопроникновение «да» и «нет» и свободу выбора между ними <...> именно явление табу дало возможность человеку глубже осознать природу на фоне контраста, ибо только контраст, а не однообразие ведет к познанию» [Маковский, 2000: 44].

Одним из распространенных приемов табуирования может служить замена имени местоимением или наречием (*тот, там, который* и т.п.) Ср. индо-евр. **kuetuor-* «четыре» (символ божественного совершенства), но рус. *который*; англ. *ill* «больной», но лат. *illa* «там, туда»; англ. *sick*, нем. *siech* «больной», но нем. диал. *-siech* «туда, прочь»; др.-англ. *ŷysse* «сила», исл. *dis* «богиня-хранительница», но др.-англ. *ðis* «этот»; тох. А *wärte* «лес, дерево», но англ. *-wards*, нем. *-wärts* «по направлению к»

Магическая функция приписывалась не только священным текстам и написанному слову, но и письму в целом. Язычники рассматривали Вселенную как Божественную книгу, ср. греч. *γραμμα* «буква», но хет. *karimni* «бог», русск. *буква*, но рус. *бог*. В откровении Святого Иоанна Богослова описывается божественная книга за семью печатями: «И видел я в деснице у Сидящего на престоле книгу, написанную внутри и отвне, запечатанную семью печатями» [Откровение, 5:1]. Альфа и омега, первая и последняя буквы греческого алфавита, символизирующие целостность бытия, считались ключом к пониманию Мироздания: «И сказал мне: совершилось! Я есмь Альфа и Омега, начало и конец» [Откровение, 21:6].

Письмена, вырезанные на дереве, камне, коже и т.п., выступали в качестве символов веры, магических существей, ср. англ. *book* «книга», нем. *Buch* «книга», рус. *буква*, но индо.-евр. **bhek-* «вырезать», тох. А *puk* «верить». Прототипом этих магических знаков служили наблюдаемые древними людьми изгибы сакрального огня (индо.-евр. **bhok-* «огонь, гореть»). Сакральный знак мог наложить чары, порчу, ср. нем. диал. *buggeren* «проклинать», или напротив, «снять чары, исцелить, спасти», ср. авест. *būjim* «очищение», арм. *bužel* «лечить». Источник божественного огня соотносился

с центром Вселенной или с центром человеческого тела (антропоцентризм) или тела животного (зооцентризм), отсюда обычай гадания по расположению внутренностей жертвенного животного, ср. англ. *book* «книга», нем. *Buch* «книга», рус. *буква*, но др.-англ. *buc*, нем. *Bauch* «живот», литовск. *raidà* «буква», но др.-англ. *réada* «желудок коровы» [Маковский, 2004: 83-84].

Процесс утраты обрядовых действий, представлений и словесных формул происходит в определенном порядке: сначала утрачиваются мифопоэтические представления, содержание сакральных действий, и ритуал воспринимается как формальность. Затем происходит утрата обрядовых действий, но язык все еще продолжает хранить следы архаичных верований [см. Мечковская, 1998: 49-54], ср. англ. *farewell* «прощай(те)» < ср.-англ. *faren wel* «хорошего пути» < др.-англ. *faran* «идти, ехать, путешествовать» + др.-англ. *wel* «хорошо». По-видимому, англ. *farewell* первоначально использовалось как пожелание уходящему в дальний путь, словесное сопровождение некоторого ритуала, ср. *May you fare well!* «хорошего пути»; *Farewell, and may we meet again in happier times* «Счастливого пути, и да встретимся мы снова в лучшие времена».

Другое ритуальное пожелание сохранилось в англ. *good-bye* «до свидания» < *godbwye* < *God be with ye* «Да пребудет с вами Бог!». На формирование данной лексемы повлияли пожелания типа *good morning* «доброе утро». Отправление в дальний (опасный) путь традиционно сопровождалось особыми ритуалами, следы которых можно найти в специфическом виде заговоров – заклинаний о добром путешествии, ср. например, древнеанглийское «Заклинание о путешествии»: *Ford ic gefare, frind ic gemete <...> Bidde ic nu sigeres god godes miltse, / siðfæt godne, smylte and lihte windas on waroþum. Windas gefran, / circinde wæter simble gehælede / wið eallum feondum. Freond ic gemete wið, / þæt ic on þæs ælmihtgian frið winian mote, / belocun wið þam laþan, se me lyfes eht* «вперед я поеду, друга я встречу <...> молю я теперь победоносного Господа о божьей милости, / путешествии хорошо, ясном и светлом, / ветрах на берегу. Ветры он знает, /

пусть он всегда водовороты укрощает / от всех врагов. Пусть с другом я встречусь, / чтобы жить под защитой Всевышнего, / огражденным от зла, меня преследующего» [The Metrical Charms, 11: 31-38], ср. также суеверия, связанные с запретом оглядываться (а тем более – возвращаться за забытой вещью), отправляясь в дальний путь.

Разумеется, носители современного английского языка вряд ли осознают религиозно-магическую основу слов, используемых при прощании, равно как и носители современного русского языка при использовании слова *спасибо* < *Спаси Бог*. Таким образом, язык выступает как самая долговечная оболочка архаичного мифопоэтического мировосприятия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
2. *Брунова Е.Г., Елесина М.А.* Табу как моделирующий фактор языка и культуры // *Естественный и виртуальный дискурс: когнитивный, категориальный и семиолингвистический аспекты. Доп. материалы.* – Тюмень: Вектор Бук, 2009. – С. 23-26.
3. *Маковский М.М.* Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев. – М.: Азбуковник, 2000. – 268 с.
4. *Маковский М.М.* Этимологический словарь современного немецкого языка. – М.: Азбуковник, 2004.
5. *Мечковская Н.Б.* Язык и религия. – М.: Агентство «ФАИР», 1998. – 352 с.
6. *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // *Структурализм: «за» и «против».* М., 1975. – С. 193-230.
7. *The Metrical Charms // The Anglo-Saxon Minor Poems. Ed. by Elliott Van Kirk Dobbie, vol. VI.* – New York: Columbia UP, 1942.